

ЛЕВКИНА О. С.
«ГАРШИНСКИЙ ТИП» В ИНТЕРПРЕТАЦИИ А. П. ЧЕХОВА
(НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА «ПРИПАДОК»)

Аннотация. В статье рассматривается «гаршинский тип» в интерпретации А. П. Чехова. На примере сравнительно-сопоставительного анализа чеховского рассказа «Припадок» и произведений Гаршина выявляются как общие признаки данного типа, так и индивидуально-авторское видение персонажа. В ходе анализа акцентируется внимание на таких особенностях характера героев Гаршина, как особая чувствительность, честность, способность к самопожертвованию.

Ключевые слова: гаршинский тип, анализ, сравнение, В. М. Гаршин, А. П. Чехов.

LEVKINA O. S.
"GARSHINSKY TYPE" IN THE INTERPRETATION OF A. P. CHEKHOV:
A STUDY OF THE SHORT STORY "SEIZURE"

Abstract. The article considers the "Garshinsky type" in the interpretation of A. P. Chekhov. By means of a comparative analysis of Chekhov's short story "Seizure" and Garshin's works, the common features of this type and the individual author's vision of the character are revealed. In the course of the analysis, the focus is on such personal traits of Garshin's characters as hypersensitivity, honesty, and the ability to sacrifice oneself.

Keywords: Garshin type, analysis, comparison, V. M. Garshin, A. P. Chekhov.

Рассказ «Припадок» написан А. П. Чеховым специально для сборника памяти В. М. Гаршина. В совсем письме Плещееву, который выступал в роли создателя этого посмертного жеста, Чехов писал так: «Что касается гаршинского сборника, то не знаю, что и сказать Вам. Не дать рассказа – не хочется. Во-первых, таких людей, как покойный Гаршин, я люблю всей душой и считаю своим долгом публично расписываться в симпатии к ним; во-вторых, Гаршин в последние дни своей жизни много занимался моей особой, чего я забыть не могу; в-третьих – отказаться от участия в сборнике значит поступить не по-товарищески, сиречь по-свински. Всё это я чувствую до мозга костей, но представьте мое нелепое положение! У меня решительно нет тем, сколько-нибудь годных для сборника» [5]. Таким образом, писатель не соглашается на высказанное Плещеевым предложение помесить в этот сборник уже написанную работу, а решает писать оригинальный рассказ, отвечающий настроениям и идеям, которые рассматривал в своей прозе Гаршин. Изначально в своем письме, отрывок из которого приведен выше, Чехов обещал написать этот рассказ за два дня, но в конечном итоге работа над произведением заняла почти месяц: с 15 сентября по 13 октября 1888 г. Выбранная

тема и специфика образа главного героя изначально не подразумевали быстрой работы, что подтвердилось в процессе написания рассказа. Сам Чехов испытывал облегчение, закончив работу над «Припадком» или же «Нервным срывом», как именовался рассказ в других изданиях. В сборник памяти произведение было пропущено без цензуры, но в дальнейшем оно было помещено в небольшой, список запрещенных и «политически некорректных» рассказов Чехова.

Объясняя характер своего героя, писатель отметил, что это «молодой человек, некий Гаршин Типа, сильная личность, честный и глубоко чувствительный, впервые в своей жизни оказывается в борделе. Серьезные вещи требуют серьезного отношения, поэтому я намерен говорить об этом довольно откровенно» [5]. В этом же письме Плещееву возникает словосочетание «гаршинский тип», к которому Чехов относит своего персонажа.

Некоторые его черты писатель сразу обозначил в своем письме. Своего героя писатель характеризует как «честного», «глубоко чувствительного» человека, «сильную личность». Их можно назвать основополагающими, хотя при этом возникает вопрос об обоснованности характеристики «гаршинского типа» как «сильной личности»: как герой «Припадка», так и большинство главных героев рассказов Гаршина либо страдают психическими заболеваниями и подвержены неврозам, либо заканчивают жизнь самоубийством. На наш взгляд, в миропонимании Гаршина, эти два факта не противоречат друг другу. Его персонажи живут и осознают себя в парадигме «основополагающего зла», которое невозможно побороть, а, следовательно, самоубийство и уход от осознанной реальности нельзя считать слабостью. Это наоборот сильный поступок, разрывающий твою связь с вечным злом и его последствиями в виде войны, проституции, несправедливости в общем её понимании, несвободы и т. д. Тот факт, что его герои противостоят злу, пытаются нивелировать его последствия, помогают выйти из порочного круга, для писателя становится важным, даже в том случае, если герой не выходит из борьбы победителем. Итак, существенным признаком «гаршинского типа» является стремление к улучшению мира, даже если это связано с самопожертвованием или смертью.

Гаршиновские герои, действительно, «глубоко чувствительные», воспринимают все ситуации близко к сердцу и каждый фрагмент своей жизни переживают так, как будто сгорают дотла спички, вспыхивая от одной искры. Показательным примером можно считать образ Рябинина из рассказа «Художники», который вкладывает всего себя в картину, а после уже не может ничего написать, сделав полотно вместилищем всего своего таланта и творческого огня. Его работа над картиной заканчивается припадком. Особая чувствительность, полная самоотдачи, действительно, становятся отличительными признаками героя «гаршинского типа».

Стоит также отметить еще одно качество – честность. Герои Гаршина честны перед собой (в своих желаниях, мыслях, порывах) и перед обществом (их нельзя уличить в двойных стандартах, пренебрежении к каким-то людям или явлениям, они выбирают одну линию поведения и выстраивают свою судьбу в соответствии с этой линией). Так главная героиня «*Attalea princeps*» ни разу не нарушила своего слова найти свободу, даже если свобода и убила её.

На наш взгляд, в герое чеховского рассказа «*Припадок*» весьма ярко проявляются черты героев «гаршинского типа». Для более наглядного анализа можно сопоставить Васильева (главного героя рассказа Чехова) и Андрея, героя рассказа «*Надежда Николаевна*» Гаршина. Данные произведения сближаются уже на проблемно-тематическом уровне. Оба произведения поднимают нравственные вопросы, связанные с осмысливанием проблемы проституции.

Истории персонажей начинаются в одной точке: они не знают скрытого мира домов терпимости, не заглядывали за изнанку светской жизни. Но Андрей на момент знакомства с Надеждой Николаевной воспринимал судьбу падших женщин с горечью, а Васильев с самых первых строк настроен по отношению к ним романтически: «Падших женщин он знал только понаслышке и из книг <...> Они не знают чистой любви, не имеют детей, не правоспособны; матери и сестры оплакивают их, как мертвых, наука третирует их, как зло, мужчины говорят им ты. Но, несмотря на всё это, они не теряют образа и подобия божия. Все они сознают свой грех и надеются на спасение» [6, с. 214]. Этот персонаж относится к числу «спасителей», которых часто изображали писатели конца XIX в. и в этом отношении он также сближается с «гаршинским» типом. В нем можно обнаружить и сходство с Иваном Никитиным, героем рассказа Гаршина «*Происшествие*». Иван, как и Васильев, хотел спасти проститутку, вырвать её из пагубной среды.

Данное стремление героя соотносится с первым признаком «гаршинского типа» – безусловное желание нести свет. Однако, как и в случае с гаршинским персонажем, это желание невозможно осуществить, это понимает и читатель, и автор, но не персонаж. Он «сдирает в кровь» свою душу в попытках изменить целый мир и зло внутри него, но в конечном итоге доводит себя лишь до припадочного состояния, которое вызвано бессилием и ужасом: «Начинается у меня, – думал он. – Припадок начинается...» [6, с. 229]. «Когда на другой день утром пришли к нему художник и медик, он в разодранной рубахе и с искусанными руками метался по комнате и стонал от боли» [6, с. 234].

В это состояние вводит Васильева прогулка с друзьями по Соболеву переулку – ныне несуществующей на карте Москвы улице, на которой раньше располагался квартал «красных фонарей». Герой ожидал от проституток невинности, контрастирующей с их работой, но в

каждом борделе наталкивается на одну и ту же картину: веселые и пьяные женщины, радующиеся трехразовому питанию, в одинаковых полосатых веселых платьях и одинаково выводящие своих клиентов на деньги за портер, который они просят. В этом мире нет места искуплению и романтическим представлениям. В качестве идеального примера Васильев вспоминает услышанный им где-то эпизод, который на самом деле отсылает читателя к реальному факту биографии самого Гаршина: «всякий раз он вспоминал одну историю, где-то и когда-то им вычитанную: какой-то молодой человек, чистый и самоотверженный, полюбил падшую женщину и предложил ей стать его женою, она же, считая себя недостойною такого счаствия, отравилась» [6, с. 215]. В истории, которая в самом деле произошла с братом Гаршина, все было наоборот: самоубийство совершил сам молодой человек.

Герой чеховского рассказа рассуждает: «Что во всей этой чепухе, которую я теперь вижу, может искусить нормального человека, побудить его совершить страшный грех – купить за рубль живого человека? Я понимаю любой грех ради блеска, красоты, грации, страсти, вкуса» [6, с. 219]. В этом отрывке мы видим ещё одну черту «гаршинского типа», выражющуюся в словах «купить за рубль живого человека». Васильеву глубоко отвратительна сама мысль о том, что можно купить человека, его тело. В его истории это отражает то самое «первозданное зло», которое видит в мире Гаршин. С ним невозможно бороться, это отражается и в размышлениях героя. Он представляет, что может спасти всех проституток Москвы, но никуда не исчезнут эти женщины в губерниях, в Гамбурге и Лондоне, они будут появляться и появляться, развращенные «бухгалтерами» и готовые к такой жизни. Лучше всего Васильева и в целом этот рассказ описывают такие строки: «Кто-то из приятелей сказал однажды про Васильева, что он талантливый человек. Есть таланты писательские, сценические, художнические, у него же особый талант – человеческий. Он обладает тонким, великолепным чутьем к боли вообще» [6, с. 232].

Данное замечание, безусловно, характеризует «гаршинский тип» в целом. Все эти герои, упомянутые выше, обладают талантом быть человеком. Несмотря на погубленные жизни, и влюбленный Андрей, жизнь которого закончилась после ухода Надежды Николаевны, как и отвергнутого Ивана Никитина, убитый грязной реальностью Васильев, не потеряли доброту и сострадание. Последний не может освободиться от мысли, что он становится властелином по отношению к женщине: «...или же, если проституция в самом деле такое зло, как принято думать, то эти мои милые приятели такие же рабовладельцы, насилиники и убийцы, как те жители Сирии и Каира, которых рисуют в “Ниве”. Они теперь поют, хохочут, здраво рассуждают, но разве не они сейчас эксплуатировали голод, невежество и тупость?» [6, с. 228]. Душа Васильева буквально рвется от того факта, что он и его друзья на эту ночь стали причастными к греху рабовладельчества. Его товарищи не ощущают в себе

этой дилеммы, в то время как наш герой впадает в паническое состояние от этих мыслей. Он здраво оценивает, что сейчас у него начнется припадок, но не может остановить это состояние своей остро чувствующей души.

Необходимо отметить, что Чехов, обратившись к «гаршинскому типу», вносит в него собственное видение. Так, например, в отличие от персонажей Гаршина, Васильев не заканчивает свою жизнь после столь сложного эпизода в своей жизни. Он не впадает в депрессию, не порывает с привычной жизнью и не умирает: «На улице он постоял немного, подумал и, простиившись с приятелями, лениво поплелся к университету» [6, с. 237]. Жизнь его продолжается точно так же, как шла до этой истории и припадка. У Чехова мы не наблюдаем такого душевного надрыва крайней степени, как в оригинальной истории. Васильев может здраво мыслить во время припадка и отвечать врачу, сам просит отвести его в больницу. В прозе Гаршина такая история не могла завершиться подобным рассудительным состоянием героя.

Более того, Васильев довольно поэтично и романтично относится в начале к этим женщинам: «Неведомая блондинка или брюнетка, наверное, будет с распущенными волосами и в белой ночной кофточке; она испугается света, страшно сконфузится и скажет: «Ради бога, что вы делаете! Потушите!»» [6, с. 217]. Подобная романтизация каких-либо образов не встречается в творчестве Гаршина. Все воспринимается его персонажами в реалистическом свете, без намеренного сгущения красок или яркого воодушевления. Отчасти именно романтическое представление о падших женщинах доводит Васильева до исступления: все его представления рушатся от борделя до борделя, нигде не находит он той греховной невинности, которую жаждал увидеть. Эта пошлость, если рассматривать её как безвкусие и вульгарность, не может соотнести с Васильева с книжным миром, из которого состояло его представление о реальности.

Таким образом, в чеховской интерпретации «гаршинский тип» имеет некоторые общие черты, которые объединяют многих персонажей Гаршина. Это и стремление к справедливости, противодействие злу, и в высшей степени душевная чувствительность, и честность по отношению к миру и себе, и общие переживания определенных тем (проституция, положение женщины в этом мире, возможность и невозможность противостоять несправедливости). Но, вместе с тем, Чехов вносит своё виденные данного типа. Васильев не заканчивает жизнь самоубийством и не умирает в процессе своего припадка, продолжает жить дальше. В нем достаточно много романтических черт, не присущих персонажам Гаршина. Если продолжать упомянутую в тексте аналогию со спичкой, то чеховский Васильев скорее свеча, которая тоже загорается от определенной идеи, но

продолжает гореть долго, хотя и у свечи будет свой конец, только не такой быстрый, как у спички, которая вспыхивает в душах гаршинских персонажей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бялый Г. А. Всеволод Михайлович Гаршин. – М.: Просвещение, 1969. – 128 с.
2. Гаршин В. М. Красный цветок: Рассказы. – Киев: Дніпро, 1986. – 260 с.
3. Латынина А. Н. Всеволод Гаршин. Творчество и судьба. – М.: Художественная литература, 1986. – 221 с.
4. Покровская М. И. О падших: русские писатели о падших. – СПб.: Типография И. Н. Скороходова, 1901. – 67 с.
5. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. – М.: Наука, 1974–1983. – Т. 2. – 773 с.
6. Чехов А. П. Собрание сочинений: в 12 т. – М.: Гослитиздат, 1954–1957. – Т. 6. – 654 с.